

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЕРМАКА В КОНЦЕ XVI—XVII ВЕКАХ: ОФИЦИАЛЬНАЯ, ЦЕРКОВНАЯ И НАРОДНАЯ ПРАКТИКИ

В настоящей статье рассматривается эволюция представлений о Ермаке с конца XVI и на протяжении XVII вв., выделяются основные субъекты конструирования его образа. Цель исследования — систематизация и факторный анализ эволюционирующих дискурсов о походе Ермака в первоначальный период конструирования образов и легитимизации присоединения Сибири к Русскому государству во внутренних коммуникативных практиках. Исследование проведено на основе анализа летописей, актовых и дипломатических материалов, материалов исторических и этнографических исследований. В статье впервые проводится обзор эволюции образа Ермака в различных коммуникационных практиках не в контексте поиска «исторической правды», а для анализа факторов такой эволюции и формирования внутренней логики сосуществования в одном образе нескольких противоречивых характеристик. Настоящее исследование показывает, как в результате коллективного действия по конструированию «Ермака» различными субъектами коммуникаций (власть, церковь, Строгановы, народное творчество) до нас дошел противоречивый, но универсальный образ героя, подходящий для любой коммуникационной задачи — от оправдания «казацкой вольницы» до доказательства «государственного» характера похода в Сибирь.

Ключевые слова: Ермак, Сибирское ханство, Киприан, Строгановы, присоединение Сибири, Западная Сибирь, Иван Грозный.

Введение. Поход Ермака в Сибирь зафиксирован в народной исторической памяти и официальных источниках крайне противоречиво. В конечном счете коммуникативное оформление покорения Сибири Ермаком не похоже ни на один из других эпизодов продвижения Русского государства на восток. Московское правительство так нигде и не зафиксировало официальную версию «для внутреннего потребления» (стройная легенда присутствует только в дипломатической переписке), покорение Сибири не связывается напрямую с царем или знатым полководцем ни в официальной историографии, ни в народной памяти [1, с. 221], а главным героем является Ермак — человек с неоднозначной репутацией, сведения о котором противоречивы и полуполюбопытны. Это нонсенс — другого исторического эпизода, зафиксированного с таким набором характеристик, в рассматриваемый период попросту не существует. Сравним, например, с конструктом, интерпретирующим покорение Казанского ханства: из похода Ивана Грозного встречается народ во главе с митрополитом Макарием, взятие Казани ставится в один ряд с победами Александра Невского и Дмитрия Донского, победа на Волге сразу же вписывается в отечественную историю в одном ряду с ключевыми событиями прошлого: «великому князю Владимиру, просветившему Рускую землю святмъ крещениемъ, и многихъ иноплеменныхъ победить, достохвальному же великому князю Дими-

трию на Дону варвары победить, и святому Александру Невскому Латынь победить. Но тебе же ... превзыде свыше Божиа благодать: царствующий градъ Казанский со всеми окрестными тебе дарова» [2, с. 226]. Ермак же во внутреннем официальном документе впервые появляется в контексте известной «опалы» Ивана Грозного на Строгановых в 1582 году: «а не вышлете изъ остроговъ своихъ в Пермь волжскихъ казаковъ, Атамана Ермака Тимофеева... Намъ въ томъ на васъ опала своя положить большая» [3, с. 5].

Почему Ермаку и первоначальному этапу покорения Сибири в этом смысле «не повезло», и официальной героизации случившегося так и не произошло? Традиционно исследователи называют несколько причин. Во-первых, всего через два года после начала похода Ермака умирает Иван Грозный, что, возможно, и не позволяет тесно связать покорение Сибири с этим царем. Так, в «Повести о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича», написанной в январе 1598 года (автор — патриарх Иов), лавры присоединения Сибири приписываются уже преемнику Грозного, а не ему самому: «Сибирскую страну всю и живущих в ней злочестивых сыроядцев себе рабы сотвори и всею землею их облада...» [4, с. 34]. Во-вторых, довольно скоро после похода последовало так называемое «Смутное время», а за ним — закрепление на престоле новой дина-

сти, в силу чего образ «лихого атамана — покорителя Сибири» был невыгоден, и даже идеологически опасен, поскольку Романовы, по выражению Е. И. Дергачевой-Скоп, опасались «народной силушки» [5, с. 138]. Наконец, запаздывает не только стройная официальная версия похода Ермака «для внутреннего пользования», но и академический интерес к этому историческому эпизоду: первое полноценное сочинение о Ермаке появляется только в 1788 году [3, с. 6]. Только через два с половиной столетия после похода наблюдается всплеск интереса к противоречивой фигуре атамана: за XIX век выходит около 300 книг и статей об атамане [3, с. 6].

В XX в. поход Ермака, биография и мотивы основных поступков атамана подвергаются критическому анализу. Так, ставится вопрос о достоверности полуофициальной родословной Ермака (содержащейся, например, в летописном Черепановском сборнике) [6, с. 9], дискутируется его принадлежность к официальной русской армии и участия в Ливонской войне в качестве одного из ключевых военачальников [7, с. 105]. Отдельные исследователи поднимают вопросы о причинах побед Ермака, а также роли поддержки московского правительства в этих победах [8]. Наконец, значительная часть работ посвящена литературному воплощению похода Ермака [9, с. 297], анализу фольклора, отдельных аспектов летописей и иных официальных документов, воспоминаний современников.

Вместе с тем технологии конструирования образа Ермака, факторный анализ этой деятельности, как правило, остаются вне поля исследовательского интереса отечественных историков. Исследователи традиционно обходят стороной вопросы: почему образ Ермака и покорения Сибири официально не героизирован и не включен в общегосударственный пантеон? какие факторы послужили причиной существования в образах Ермака противоречивых характеристик? в силу каких причин этот образ так и остался нестройным и гибким, подходящим для любой коммуникативной ситуации?

Символическим началом этой дискуссии можно считать июнь 1748 года, когда вопрос о «целесообразности» той или иной точки зрения на поход Ермака впервые был задокументирован в протоколах Академии наук. В протоколах от 3 и 6 июня об этой проблеме говорится так: «господин профессор Ломоносов мнит, что подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал Сибирь или для всероссийского самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ею всероссийскому монарху того раде, буде оные рассуждения, которые об его делах с некоторым похулением написаны, не могут быть применены, лучше их выкинуть» [10, с. 44]. Представляется, что с тех пор эта дискуссия не только не окончена, но и, по существу, только начинается.

Цель исследования — систематизация и факторный анализ эволюционирующих дискурсов о походе Ермака в первоначальный период конструирования образов и легитимизации во внутренних коммуникативных практиках присоединения Сибири к Русскому государству.

Основная часть. Дискуссии об эволюции коммуникационного оформления похода Ермака в том или ином субъектно-ориентированном тексте имеют благодатную почву, поскольку нам до сих пор доподлинно известно об этом событии весьма немного. Прежде всего, до сих пор не ясны наверняка масштабы похода. Так, Сибирская летопись оценивает численность войска Ермака в 540 человек,

а Ремезовская — уже в 6 тысяч человек [11, с. 215]. Дискуссионным остается при первом приближении вопрос о том, являлся ли поход Ермака спонтанной акцией, или тщательно продуманным мероприятием. Традиционной версией здесь является точка зрения, изложенная еще у Г. Ф. Миллера, которая показывает «Ермаково взятие» военно-политической авантюрой, в которой «Ермак с самого начала не верил в успех» [11, с. 215]. Позднее эту версию развил С. В. Бахрушин, назвавший поход Ермака «взятием с боем ясака», которое «имело неожиданный успех» и «не имело цели завоевание Сибирского ханства» [12, с. 144]. Наконец, сомнительными представляются и военно-политические результаты похода, которые явно не дают объективных оснований для героизации фигуры его предводителя. Известно, что Ермак уже через полгода лишается от одной до двух третей своего отряда — «остальные убиты, сбежали, умерли» [11, с. 221]. В следующие несколько лет он выиграл несколько сражений, занял Искер, предпринял ряд тактических действий против местных правителей и в 1584 году погиб. Воевода Иван Мансуров, начавший свой поход в Сибирь в 1585 году, делает это «с чистого листа», осознавая, что «Сибирь покинута русскими и снова находится в татарском владении» [11, с. 221]. Именно этот, второй поход русских в Сибирь (и первый, официально санкционированный московским царем) и приносит успех в деле окончательного покорения Сибирского ханства. Впрочем, Мансуров, как и другие предводители уже официальных царских войск, вообще не закрепляются в народной исторической памяти и официальных дискурсах (текстах, памятниках и прочем) в качестве ключевых покорителей Сибири (этим можно было бы объяснить отсутствие официальной героизации Ермака в рассматриваемый период). Вне зависимости от идеологической направленности того или иного текста, у покорения Сибири в основном один герой — Ермак.

На первом этапе основным субъектом в конструировании образа Ермака является род Строгановых. Общепризнанной является точка зрения, согласно которой поход Ермака — частная инициатива Строгановых, которая не только не санкционирована царем (отсюда — угроза «опалы» в случае продолжения похода в Сибирь), но и невыгодна стране с учетом проводимой в рассматриваемый период внешней политике: «поход Ермака (...) не укладывался в общую концепцию геополитических устремлений России (...). К этому времени Москва уже достигла потенциально необходимых для целостности государства границ по Уралу и Сибири и, как складывается впечатление, не была готова к выходу на обширные сибирские земли» [13, с. 136].

Тезис о том, что поход Ермака являлся частной инициативой, активно эксплуатируется в официальной истории рода Строгановых, описанной неизвестным автором. Именно Анике Федоровичу Строганову в конце 1560-х гг., согласно этому источнику, впервые приходит мысль о присоединении Сибири: «а не возможно ль ему, каким было образом, столь близко лежащую от российских границ землю Сибирскую или часть оной... присовокупить к Российской державе» [14, с. 43]. Согласно близкой к этой версии, именно Аника Строганов был, помимо прочего, инициатором или вдохновителем даже и согласия царя на принятии «под государеву руку» князя Едигера в 1555 году — дескать, именно

и только Строгановы тогда и понимали все выгоды предложения сибирского правителя [6, с. 11].

В том же виде версия об инициаторах похода переключивается Ремезовскую летопись, она же встречается в Строгановских летописях [15, с. 314]. В дальнейшем идея о причастности Строгановых к походу Ермака в том или ином виде упоминается в значительном количестве оригинальных текстов — в лучшем случае, они отличаются лишь тонкостями трактовки. Так, в Румянцевском летописце (вид А) Строгановы лишь исполняли волю царя, тогда как в «виде Б» того же текста они берут на себя всю организационную составляющую похода [16, с. 197]. В Строгановской летописи (по списку Спаского) идея присоединения Сибири принадлежит царю, но организаторы похода — Строгановы: «И вложи Богъ благочестивому государю царю во умъ роспросити своего государства ведущихъ людей про ту страну, и повель государь предъ собою поставити Якова и Григорья Строгановыхъ» [17, с. 1].

Кому выгодна идея «Ермак — посланник Строгановых»? Прежде всего, им самим. Более того, эта идея в основном только и существует в иницируемых Строгановых коммуникативных актах, а также используется ими на протяжении всего XVII в. при необходимости согласования льгот и преференций. Так, в челобитной царю Алексею Михайловичу от 5 декабря 1672 года Григорий Строганов перед просьбой признать наследованные у отца владения, льготы в части беспошлинной торговли, право на суд своих людей и прочее, напоминает о все том же эпизоде «сибирского взятия»: «а въ прошлыхъ, государь, годахъ, при Цере и Великомъ князе Иване Васильевиче (...) прадедъ мой, служба и радея вамъ Великим Государемъ и Всему Московскому царству, призвал с Волги атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищи (...) и вашимъ Великих Государей счастьем, а прадеда моего промышломъ и радениемъ и тою посылкою Сибирское государство взяли» [3, с. 11–12].

Официальная государственная позиция, напротив, по мере успехов в покорении Сибирского ханства, все активнее первенство в идее о присоединении Сибири за московским царем. Примечательно, что делается это в основном не для «внутреннего пользования», а во внешнеполитических сношениях. Так, уже в августе 1585 года, в инструкции русским послам в Швецию, формируется следующая официальная версия относительно событий в Зауралье: «про Сибирь говорити, что (...) государь нашъ (...) позволиль на Сибирь идти казакомъ, и казаки государевы, исх Перми шодъ, Сибирское царство взяли» [18, с. 414].

Уже в начале XVII в. тезис об исконном праве русских царей на Сибирь становится общим лейтмотивом всех внешнеполитических коммуникаций. Так, в инструкции послам в Англию эта идея появляется в 1600 году [19, с. 296], аналогичная формула — «Сибирское царство искони вечная водична гдрей нашихъ» [19, с. 378] повторяется в наказе к посольству в 1601 году и далее.

Оставляя в стороне необходимость критического анализа такой позиции, отметим, что в официальных внешних коммуникациях московского правительства нет никакого намека на то, что присоединение Сибири происходило без ведома царя, более того, по версии авторов наказов, все состоялось исключительно благодаря его воле. Это и неудивительно, поскольку все названные состав-

ляющие (война как способ восстановления законной власти, война по государеву повелению, исполнители — «государевы люди») являются в традиции средневекового международного права достаточными для того, чтобы считать войну справедливой [20, с. 54], и чиновники, ответственные за информирование зарубежных государей о «Сибирском взятии», в этом смысле старательно выполняют свою работу.

На первых порах в официальную версию пытаются инкорпорировать и Ермака. Очевидно, эта задача оказывается нетривиальной. В «Новом летописце» она решается появлением концепта «Ермак — князь Сибирский»: «а къ Ермаку повель государь написати на отаманомъ, но княземъ Сибирскимъ» [21, с. 33], в том же виде эта идея присутствует в Есиповской летописи (по Довлатовскому списку): «а Ермака повеле государь написати в грамотах сибирским княземъ» [15, с. 74]. Впрочем, эта идеологема оказывается нежизнеспособной и «тупиковой» в эволюционирующем конструировании образа Ермака, по всей видимости, в силу отсутствия у нее явных интересантов. Действительно, для государственных коммуникаторов инкорпорация казачьего атамана в структуру власти является излишней, поскольку версия, замыкающая весь героизм покорения Сибири на московского царя, явно более лаконична. Для Строгановых эта идея означала бы размывание их заслуг, а для обобщенной «народной памяти» — это явный конфликт с концептом «казачьей вольницы». Поэтому в дальнейшем идея «Ермак — князь Сибирский» не получает своего развития и постепенно вымывается из употребления. При этом в целом в правительственных коммуникациях по поводу покорения Сибири Ермак не является центральной фигурой и не подвергается героизации в рассматриваемый период — этот процесс начинается только в первой половине XIX века.

Другим важным субъектом конструирования образа Ермака довольно быстро становится Церковь и в том числе первый сибирский архиепископ Киприан. Он был назначен главой новообразованной Сибирской епархии в сентябре 1620 года, прибыл в Тобольск 19 июня 1621 года и пробыл там до 5 февраля 1623 года [22, с. 96]. Новой епархии всегда необходимы герои общегосударственного значения, в том числе для повышения собственного авторитета среди других территориальных церковных структур. В этом смысле Ермак образца «Синодика» 1622 года, несомненно, был выгоден Киприану — как православный воитель, поборник нравственности и борец за распространение религиозных ценностей на татарской земле. На наш взгляд, Киприан, развернув бурную деятельность по прославлению Ермака и его дружины, замысливает в конечном счете канонизацию атамана — об этом говорит не только «технологическая» логика присутствия в новой епархии героя общегосударственного значения, но и подбираемые под это действие факты. Так, вышедшая в 1636 году Есиповская летопись (кстати, в этом же году патриархом Филаретом утверждается общегосударственное прославление казаков) изобилует фактами чудотворения и превосходства православной веры: «бе бо от Ермакова тела и от платья чудотворение, болезненным исцеление, родительницам и младенцем на отгнание недугом, на войне и в промыслах удача. Се же видево обызы и мурзы, что закон их скверен (Курсив мой. — С.Ч.) и предстает чудотворение,

запретиша всем от мала и до велика же поминать имя Ермаково» [15, с. 346]. Итак, в этой трактовке Ермак не только демонстрирует нам акты посмертного чудотворения, но и способствует распространению православной миссии среди пораженных татар.

Религиозная подоплека похода развивается и в иных текстах, и это необходимо связать не только с деятельностью Церкви, но и с особенностями мировосприятия авторов текстов летописей, написанных в XVII в. Так, в Ремезовской летописи мы встречаем эпизод кровотечения тела Ермака, которое нашли татары: «егда жь начаша снимать Кайдауль мурза с него, тогда поиде кровь из рота и из носа, что из жива человека. Зря жь Кайдауль, понеже стар, течение крови живой не замерзло, и разумев, что человек божий» [15, с. 563]. Летописец свидетельствует: для татарской элиты эпизод кровотечения тела Ермака — достаточный повод для того, чтобы признать его безусловную власть над собой: «аще ли жива ты, учинили бы себе царя, и се видим ты, мертва, беспаметна рускаго князя» [15, с. 564].

Конечно, здесь образ Ермака перерастает идею «божьего человека», конструируемую Церковью, и эволюционирует в плоскость героических эпосов, созданных по законам не исторических, но художественных текстов. Идея о том, что ключевое достижение Ермака — это победа над «неверными» и защита православия постепенно перестает быть самостоятельной и сливается с «народной» традицией осмысления похода казаков в Сибирь. Этим Ермак отличается от уже упомянутых Александра Невского или Дмитрия Донского, в отношении которых религиозный контекст остается стабильным дискурсом по настоящее время. В отношении Ермака религиозное постепенно трансформируется в эпическое.

Ключевые традиции народной исторической памяти о Ермаке в основном стабильны. Так, зафиксированное этнографами предание «Как Ермака татары сватали», полностью повторяет факты из устного рассказа, записанного в 1907 году, а устные рассказы о переходе Ермака с войском через Урал, собранные в середине XVIII в. Кириши Даниловым, ничем не отличаются от материалов этнографических экспедиций Тимофея Круглякова (середина XIX в.) [23, с. 151]. В устной традиции из века в век транслируется устойчивый образ Ермака: выходца из «простых людей», помогающего бедным и грабящего богатых, героя, который «едет в Сибирь (...) с целью освободить ее от хана Кучума и сделать ее обетованной землей для всех подневольных, а также переселить туда казаков с Дона, то есть создать казацкую республику подалеже от царско-боярской Москвы» [24, с. 5].

«Народный» образ Ермака — конечно, отражение не столько реальных событий, сколько последовавших после похода эпизодов, современных рассказчикам. Прежде всего, длительного противостояния донского казачества и московского правительства, продолжающегося вплоть до начала XVIII в. Так, маршруты Ермака в народных преданиях часто совпадают с передвижениями Степана Разина [25, с. 7], а песня «Казаки убивают царского посла» описывает реальный эпизод убийства Семена Константиновича Карамышева — правда, случившийся в 1630 году [25, с. 11]. Фактически, в народной традиции Ермак — это воплощение «фантомных болей» о казачьей вольнице, реализующихся на фоне постепенного включения в реалии области в единое

российское социально-политическое пространство, закончившееся введением там системы единого имперского управления в 1721 году [24, с. 5]. Примечательно также, что народные предания не содержат эпизода раскаяния Ермака перед Иваном Грозным, и прослеживающихся в официальном образе казачьего атамана реверансах в сторону верховной власти. Более того, в историческом фольклоре образ Ермака часто противопоставляется государственной власти [7, с. 101] — в угоду ожиданиям «народа».

Сегодня мы знаем, что образ Ермака, как героя народного исторического эпоса, оказался в итоге самым стойким и победил в эволюционной борьбе идей, хотя и вобрал в себя элементы всех других традиций — государственнической, церковной, строгановской. Ермак к XIX в. становится подлинно народным героем. Так, П. И. Небольсин, ехавший из Петербурга в Барнаул в середине XIX в., отмечает, что «в Тобольской и Пермской губернии нет зажиточного дома, в котором бы не висело Ермакова портрета, или на холсте, или на дереве, а большего частью на железе, на подносах» [16, с. 188].

Представляется, что «героический» образ Ермака стал доминирующим в народной исторической памяти (а отсюда перетек в значительное количество современных краеведческих работ и исследователей дискурсов), прежде всего, в силу того, что именно в таком виде он является универсальным и может отвечать почти на любые коммуникационные запросы прошлого и современности: от ответа на притеснения Донской области в начале XVIII в. до современного противопоставления образа зажиточной Москвы и бедных регионов. Если задачи, которые решало московское правительство, Строгановы или Церковь через ситуативное конструирование образа Ермака, утратили свою актуальность не позднее чем к концу XVIII в., то указанные народные исторические дискурсы традиционно актуальны по сей день. «Героический» образ Ермака, сконструированный под влиянием различных факторов, таким образом, оказался настолько универсальным, что может по сей день на единых эпических основаниях инкорпорировать в себя и идею «государственного блага», и идею «борьбы за православие», и идею «казачьей вольницы».

Заключение. В настоящей работе мы показали, как в силу ограниченных во времени задач, конкретных обстоятельств и приоритетов отдельных субъектов социально-политического процесса в Русском государстве конца XVI — первой половины XVII в. выдвигаются те или иные идеологемы, конструирующие образ Ермака и его похода «за Камень». Парадоксальным образом на основе одной исторической личности Ермака в течение нескольких десятилетий формируется противоречивый и полулегендарный образ героя, каждая грань которого решает локальную задачу того или иного субъекта коммуникации. На первом этапе Ермак предстает ставленником Строгановых, провинившимся перед московским царем и получающим воздаяние за свои подвиги. Довольно быстро на смену этого образа приходит Ермак — исполнитель государственной и божьей воли. Последнее обстоятельство активно подхватывает и Церковь, поддерживая полуфантастические легенды о кровоточащем теле атамана и принятии православия теми, кто сталкивался с посмертными чудесами Ермака. Параллельно с этим разворачивается народное осмысление героев «Сибирского взятия», густо замешанное на обстоятельствах «казачьей вольницы» и московско-

го правительства, в том числе Разинского восстания. Здесь Ермак — народный герой, защитник простых людей, также сохраняющий сверхъестественные качества «божьего посланника» в Сибири.

На примере идеи «Ермак — князь Сибирский» или «Ермак — ставленник Строгановых», постепенно вымывающихся из активного употребления, было показано, что не все идеи выживают в процессе эволюционирования. По мере того, как субъекты конструирования подобных идей утрачивают необходимость их поддерживать, или находят более лаконичные способы решения своих коммуникативных задач, такие идеи отмирают и выводятся из оборота. В силу этого доминирующей идеей конструкта «Ермак» стал героический образ народного героя, являющийся универсальным ответом на различные вызовы народной исторической памяти, осмысляющей эпизоды прошлого через призму актуальной повестки настоящего. По мере того, как субъективные факторы конструирования образа Ермака изживают себя, атаман «теряет» все негативные (и даже противоречивые, спорные) черты, дойдя до нашего времени героем, присоединившим Сибирь для России, стимул которого — альтруистические амбиции и романтика приключений.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60002\19.

Библиографический список

1. Филюшкин А. И. Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 213–223.
2. Полное собрание русских летописей. В 43 т. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Санкт-Петербург, 1904. 302 с.
3. Кузнецов Е. В. Библиография Ермака. Тобольск: Тип. Губ. правл., 1891. 34 с.
4. Морозова Л. Е. Смута начала XVII века в сочинениях современников. Москва: Кучково поле, 2017. 654 с.
5. Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965. 152 с.
6. Жернаков Г. На заре Сибирской истории. Новониколаевск: Тип. Союз-Банк 1919. 36 с.
7. Азбелев С. Н. Ранний фольклор о Ермаке Тимофеевиче и его предшественниках-казаках в соотношении с письменными историческими источниками // Русский фольклор. Т. XXX. Материалы и исследования. Санкт-Петербург: Наука, 1999. С. 101–119.
8. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. 317 с.
9. Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «Житие Ермаково, как Сибирь взал...» (одна из трансформаций жанра воинских житий в XVII в.) // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.: сб. науч. труд. Новосибирск. Изд-во СО РАН, 2005. 620 с.
10. Введенский А. А. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири // Исторический сборник Киевского государственного университета. 1949. № 2. С. 5–45.
11. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.
12. Бахрушин С. В. Русское продвижение за Урал // Научные труды: в 4 т. Москва: Наука, 1952–1959. Т. 3. С. 137–162.

13. Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притобья в Средние века: моногр. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. 168 с. ISBN 978-5-86328-900-7.

14. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов / Сост. О. Платонова. Москва: Современник, 1995. 479 с. ISBN 5-270-01531-5.

15. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 36. Сибирские летописи. Часть 1. Группа Есиповской летописи. Москва: Наука, 1987. 387 с.

16. Соболева Л. С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. Новосибирск, 2005. С. 185–202.

17. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) / Ред. Цепков А. И. Рязань, 2008. 688 с. ISBN 5-94460-031-4.

18. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 129. Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством: Ч. 1: 1556–1586 гг. Санкт-Петербург: Печатня С. П. Яковлева, 1910. 585 с.

19. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 38. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. 2. (с 1581 по 1604 год). Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1883. 493 с.

20. Акишин М. О. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // Российская история. 2015. № 3. С. 45–57.

21. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 14. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. Новый летописец / Под ред. С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко. Санкт-Петербург: Типография М. А. Александрова, 1910. 154 с.

22. Бабанина И. В. Власть в Сибири. Век XVII. Воеводы и Сибирская епархия. Москва, 2017. 160 с.

23. Лазарев А. Урало-сибирские предания и легенды о Ермаке // Вопросы истории и теории литературы. 1968. Вып. 4. С. 150–172.

24. Тумилевич Т. И. Донские исторические предания о Ермаке: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1980. 26 с.

25. Буганов В. И., Зимин А. А. Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. 1967. Вып. 50. С. 3–13

ЧЕРНЫШОВ Сергей Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований факультета исторических и политических наук.
SPIN-код: 3492-8481
AuthorID (РИНЦ): 1028122
ORCID: 0000-0003-3885-7125
Адрес для переписки: 1502911@mail.ru

Для цитирования

Чернышов С. А. Конструирование образа Ермака в конце XVI–XVII веках: официальная, церковная и народная практики // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 40–46. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-40-46.

Статья поступила в редакцию 23.08.2021 г.

© С. А. Чернышов

CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF ERMAK IN LATE XVI – XVII CENTURIES: OFFICIAL, CHURCH AND FOLK PRACTICES

The article examines the evolution of ideas about Ermak from the end of the 16th and throughout the 17th centuries, identifies the main subjects of constructing his image. The aim of the study is to systematize and factorial analysis of the evolving discourses about Ermak's campaign in the initial period of constructing images and legitimizing the annexation of Siberia to the Russian state in internal communicative practices. The research is carried out on the basis of the analysis of chronicles, act and diplomatic materials, materials of historical and ethnographic research. The article is the first to review the evolution of Ermak's image in various communication practices, not in the context of the search for «historical truth», but to analyze the factors of such evolution and the formation of the internal logic of coexistence in one image of several contradictory characteristics. This study shows how, as a result of collective action on the construction of «Ermak» by various subjects of communication (government, church, Stroganovs, folk art), a contradictory but universal image of a hero has come down to us, suitable for any communication task — from justifying «Cossack freemen» to evidence of the «state» nature of the campaign to Siberia.

Keywords: Ermak, Siberian Khanate, Cyprian, Stroganovs, annexation of Siberia, Western Siberia, Ivan the Terrible.

Acknowledgments

The research is done with the support of the grant of the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-39-60002\19.

References

1. Filyushkin A. I. Zavoyevaniya Ivana Groznogo v pamyati potomkov [Conquests of Ivan the Terrible in the memory of descendants] // *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Ancient Russia: in Time, in Individuals, in Ideas*. 2016. Issue 5. P. 213–223. (In Russ.).
2. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey*. V 43 t. T. 13. *Letopisnyy sbornik, imenyemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu* [Complete collection of Russian chronicles. In 43 vols. Vol. 13. Collection of annals, called the Patriarch or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, 1904. 302 p. (In Russ.).
3. Kuznetsov E. V. Bibliografiya Ermaka [Bibliography of Ermak]. Tobolsk, 1891. 34 p. (In Russ.).
4. Morozova L. E. *Smuta nachala XVII veka v sochineniyakh sovremennikov* [Troubles of the early 17th century in the works of contemporaries]. Moscow, 2017. 654 p. (In Russ.).
5. Dergacheva-Skop E. I. *Iz istorii literatury Urala i Sibiri XVII v.* [From the history of literature of the Urals and Siberia of the 17th century]. Sverdlovsk, 1965. 152 p. (In Russ.).
6. Zhemakov G. *Na zare Sibirskoy istorii*. [At the dawn of Siberian history]. Novonikolaevsk, 1919. 36 p. (In Russ.).
7. Azbelev S. N. *Ranniy fol'klor o Ermake Timofeyeviche i ego predshestvennikakh-kazakakh v sootnesenii s pis'mennymi istoricheskimi istochnikami* [Early folklore about Ermak Timofeevich and his Kazakaz predecessors in relation to written historical sources] // *Russkiy fol'klor*. Vol. XXX. *Materialy i issledovaniya. Russian Folklore. Vol. XXX. Materials and Research*. Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 1999. P. 101–119. (In Russ.).
8. Skrynnikov R. G. *Sibirskaya ekspeditsiya Yermaka* [Ermak's Siberian expedition]. Novosibirsk, 1986. 317 p. (In Russ.).
9. Dergacheva-Skop E. I., Alekseev V. N. «Zhitiye Ermakovo, kak Sibir' vzal...» (odna iz transformatsiy zhanra voinskikh zhitiy v XVII v.) [«The life of Ermakovo, how Siberia took ...» (one of the transformations of the genre of military lives in the 17th century)] // *Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoy dukhovnoy kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv. Obshchestvennaya Mysl' i Traditsii Russkoy Dухovnoy Kul'tury v Istoricheskikh i Literaturnykh Pamyatnikakh XVI–XX vv.* Novosibirsk, 2005. 620 p. (In Russ.).
10. Vvedensky A. A. *Stroganov, Ermak i zavoyevaniye Sibiri* [The Stroganovs, Ermak and the conquest of Siberia] // *Istoricheskiy sbornik Kiyevskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskiy Sbornik Kiyevskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 1949. No. 2. P. 5–45. (In Russ.).
11. Miller G. F. *Istoriya Sibiri: v 2 t.* [History of Siberia: in 2 Vols.]. Moscow, Leningrad Publ., 1937. Vol. 1. 607 p. (In Russ.).
12. Bakhrušin S. V. *Russkoye prodvizheniye za Ural* [Russian advancement beyond the Urals] // *Nauchnyye Trudy*. V 4 t. *Nauchnyye Trudy. In 4 vols*. Moscow: Nauka Publ., 1952–1959. Vol. 3. P. 137–162. (In Russ.).
13. Maslyuzhenko D. N. *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v Sredniye veka* [Ethno-political history

of the forest-steppe Pr'tobol'e in the Middle Ages]. Kurgan, 2008. 168 p. ISBN 978-5-86328-900-7. (In Russ.).

14. 1000 let russkogo predprinimatel'stva: Iz istorii kupecheskikh rodov [1000 Years of Russian Entrepreneurship: From the History of Merchant Clans] / Comp. O. Platonova. Moscow: Sovremennik Publ., 1995. 479 p. ISBN 5-270-01531-5. (In Russ.).

15. Polnoye sobraniye russkikh letopisey: v 43 t. T. 36. Sibirskiy letopisi. Chast' 1. Gruppy Esipovskoy letopisi [Complete collection of Russian chronicles: in 43 vols. Vol. 36. Siberian chronicles. Part 1. Group of the Esipov Chronicle]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 387 p. (In Russ.).

16. Soboleva L. S. «Gosudarev ataman» Yermak Timofeyevich: vektory idealizatsii [«Sovereign Ataman» Ermak Timofeevich: vectors of idealization] // *Drevnerusskoye dukhovnoye naslediyе v Sibiri: nauchnoye izucheniye pamyatnikov traditsionnoy russkoy knizhnosti na vostoке Rossii. Drevnerusskoye dukhovnoye naslediyе v Sibiri: nauchnoye izucheniye pamyatnikov traditsionnoy russkoy knizhnosti na vostoке Rossii.* Novosibirsk, 2005. P. 185–202. (In Russ.).

17. Sibirskiyе letopisi. Kratkaya sibirskaya letopis' (Kungurskaya) [Siberian Chronicles. Brief Siberian Chronicle (Kungurskaya)] / Ed. Tsepkov A. I. Ryazan', 2008. 688 p. ISBN 5-94460-031-4. (In Russ.).

18. Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. V 148 t. T. 129. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva so Shvedskim gosudarstvom: Ch. 1: 1556–1586 gg. [Collection of the Imperial Russian Historical Society. In 148 vols. Vol. 129. Monuments of diplomatic relations between the Moscow State and the Swedish State: Ch. 1: 1556–1586. St. Petersburg, 1910. 585 p. (In Russ.).

19. Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. V 148 t. T. 38. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Angliyyey. T. 2. (s 1581 po 1604 god.) [Collection of the Imperial Russian Historical Society. In 148 vols. Vol. 38. Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with England. Vol. 2. (from 1581 to 1604). St. Petersburg, 1883. 493 p. (In Russ.).

20. Akishin M. O. Clerks of the Ambassadorial Prikaz and the annexation of Siberia [Diaks of the ambassadors' office and the annexation of Siberia] // *Rossiyskaya istoriya. Rossiiskaia Istoriiа.* 2015. No. 3. P. 45–57. (In Russ.).

21. Polnoye sobraniye russkikh letopisey: v 43 t. T. 14. Povest' o chestnem zhitii tsarya i velikago knyazya Feodora Ivanovicha

vseya Russii. Novyy letopisets [Complete collection of Russian chronicles. In 43 vols. Vol. 14. The story of the honorable life of the Tsar and Grand Duke Theodore Ivanovich of All Russia. New chronicler] / By ed. S. F. Platonova, P. G. Vasenko. Povest' o chestnem zhitii tsarya i velikago knyazya Feodora Ivanovicha vseya Russii. Novyy letopisets. St. Petersburg, 1910. 154 p. (In Russ.).

22. Babanina I. V. Vlast' v Sibiri. Vek XVII. Voyevody i Sibirskaya yeparkhiya [Power in Siberia. Century XVII. Voevods and the Siberian Diocese]. Moscow, 2017. 160 p. (In Russ.).

23. Lazarev A. Uralo-sibirskiyе predaniya i legendy o Ermake [Ural-Siberian legends and legends about Ermak] // *Voprosy istorii i teorii literatury. Voprosy Istorii i Teorii Literatury.* 1968. Vol. 4. P. 150–172. (In Russ.).

24. Tumilevich T. I. Donskiye istoricheskiye predaniya o Ermake [Don historical legends about Ermak]. Rostov-on-Don, 1980. 26 p. (In Russ.).

25. Bуганов V. I., Zimin A. A. Pokhod Ermaka na Kazan' i vozniknoveniye istoricheskikh pesen o Ermake [Ermak's campaign to Kazan and the emergence of historical songs about Ermak] // *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta.* 1967. Vol. 50. P. 3–13. (In Russ.).

CHERNYSHOV Sergey Andreyevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Socio-Anthropological Research of Historical and Political Sciences Faculty.

SPIN (code): 3492-8481

AuthorID (RSCI): 1028122

ORCID: 0000-0003-3885-7125

Correspondence address: 1502911@mail.ru

For citations

Chernyshov S. A. Construction of the image of Ermak in late XVI–XVII centuries: official, church and folk practices // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2021. Vol. 6, no. 4. P. 40–46. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-40-46.

Received August 23, 20.

© S. A. Chernyshov